

В юности Чжоу Юй был прекрасен, словно отточенный нефрит. Лишь крошечная родинка в уголке глаза — стоило ему поднять взгляд, как она исчезала, и только при опущенных ресницах становилась заметна. Сунь Цэ тогда в шутку дразнил его: Разве нефрит бывает с изъяном? Или же изъян всё-таки есть? Чжоу Юй, не поднимая ресниц, отвечал: Когда вижу тебя — нет, не вижу — есть.

Чжоу Юй в отчаянии вскочил в седло и, не слушая ничьих уговоров, хлестнул коня. Целые сутки он не ел и не пил, лишь до крови сжимая поводья, пока слезы, не переставая, катились из глаз. Глубокой ночью вдалеке наконец показались знамена Армии семьи Сунь. Конь под ним пал от изнеможения, и Чжоу Юй, не раздумывая, бросился вперед, едва не ползком добираясь до ворот. Стражники, узнав его, поспешно отдали честь, но он, не вытирая слез, срывающимся от напряжения голосом потребовал: Как поживает господин?

Солдаты переглянулись, не смея ответить. Чжоу Юй наспех смахнул влагу с лица и яростно рявкнул: Отвечайте!

Испуганные воины рухнули на колени и пробормотали: Господин тяжело ранен... лекари говорят, до рассвета ему не дожить.

Мир поплыл перед глазами, словно разразился гром. Чжоу Юй, едва держась на ногах от навалившейся слабости, стиснул зубы и, собрав последние силы, бросился к покоям, над которыми развевался штандарт военачальника. Сунь Цюань, дожидавшийся у входа, попытался что-то сказать, но Чжоу Юй даже не взглянул на него, словно оглох, и с силой распахнул дверь.

В комнате царил полумрак. В лунном свете, заливавшем кровать, Сунь Цэ лежал неподвижно. Чжоу Юй срывая голос закричал: А-Цэ! А-Цэ! Он рухнул на колени у изголовья и присмотрелся: Сунь Цэ был жив. Уголки его губ дрогнули в слабой улыбке, он сжал ладонь Чжоу Юя и прошептал: Наконец-то ты пришел... теперь я спокоен.

С тобой ничего не случится, не посмеешь, я умоляю, не оставляй меня... — Чжоу Юй потерял самообладание, рыдая и выкрикивая его имя. Сунь Цэ с трудом поднял руку, чтобы стереть слезы с лица друга, и тихо прошептал: Тогда... ты согласен уйти со мной в уединение?

— Молодой господин, люди Сунь прибыли, — тринадцатилетний слуга, стоявший на коленях перед гуцинем, прервал тихим детским голосом прекрасную мелодию.

Юноша, чья красота могла затмить любое искусство, плавно поднялся. Его длинные волосы рассыпались по плечам, а тонкие, изящные пальцы привычным движением поправили на лбу шелковую повязку с золотым шитьем. Мальчик поднял глаза на своего хозяина, чье лицо было столь безупречным, что напоминало женское, а в глубине зрачков словно отражались звезды.

— Господин, вы выглядите восхитительно, — искренне улыбнулся слуга.

— Хань-эр, «восхитительный» — не лучшие слова для описания мужчины, запомни, — голос

господина звучал нежнее самой искусной музыки. Слуга поднялся и последовал за хозяином, тихо отвечая: Знаю, старший господин Чжоу Гунцзинь.

Зал был полон знатных гостей, пришедших поздравить Чжоу Юя с шестнадцатилетием. Стоило прекрасному юноше появиться, как его окружили льстивыми приветствиями. Чжоу Юй вежливо поддерживал беседу, но взгляд его то и дело выхватывал кого-то из толпы.

У самого входа он заметил мать и сына. Женщина, лишенная показной роскоши, держалась с необычайным достоинством, отчитывая юношу, сидевшего рядом. Тот был почти одного возраста с Чжоу Юем. Юноша был статен и красив, с печатью мужества на лице, которую подчеркивал тонкий шрам — след былых битв. Чжоу Юй заметил, как молодые девушки, перешептываясь, бросали в сторону незнакомца восхищенные взгляды, называя его Сунь-ланом. Неужели это и есть тот самый легендарный юноша?

Чжоу Юй подошел к ним с кубком вина. Госпожа Сунь, заметив приближение именинника, подтолкнула сына. Сунь Цэ, оценив наряд и изнеженную внешность Чжоу Юя, лишь усмехнулся: так вот он какой, этот избалованный старший господин Чжоу, Чжоу Гунцзинь, о котором так много говорят. Ничего особенного.

Спустя годы Сунь Цэ давно забыл о детских встречах. Он смотрел на Чжоу Юя как на младшего и не придавал ему значения. Встав с явной небрежностью, он принял приветствие: Я, Сунь Бофу, здесь, чтобы поздравить вас. Пустые титулы ни к чему. Я не приготовил достойного подарка...

С этими словами Сунь Цэ достал спрятанный за спиной меч. Я слышал, молодой господин Чжоу любит играть на цитре, поэтому принес вам меч — для самообороны.

Госпожа Сунь помрачнела: это было явным намеком на то, что Чжоу Юй умеет лишь брэнчать на струнах и слаб телом. Но Сунь Цэ лишь насмешливо смотрел на юношу, ожидая реакции. Гости притихли: неужели единственный сын управителя Лояна решил завязать знакомство с сыном военачальника Сунь Цзяня, а тот в ответ так грубо высмеял его?

Чжоу Юй невозмутимо улыбнулся: Благодарю за столь искренний подарок, брат Бофу.

Он взял меч и, вытянув его из ножен, пронзил Сунь Цэ острым, как клинок, взглядом. Раздался звон металла, и лезвие сверкнуло в свете ламп. Чжоу Юй ловко приставил острие к горлу Сунь Цэ. В зале воцарилась тишина. Раз уж подарок так хорош, надеюсь, брат Бофу не откажет мне в совете, — мягко произнес он.

Сунь Цэ был поражен. В тишине раздался гулкий смех: Ха-ха-ха! Прекрасно! Не думал, что юный господин Чжоу обладает такой отвагой. Сунь Цзянь и Чжоу И подошли к ним. Сунь Цзянь указал на Чжоу Юя: Смотри, он истинный наследник твоего духа.

Чжоу И лишь скромно ответил: Мой щенок не сравнится с вашим маленьким тираном. Однако

про себя он надеялся, что сын проучит наглеца. Сунь Цзянь, понимая, что сын перегнул палку, поспешил сгладить ситуацию: Мой мальчик привык только кричать, не обращайтесь внимания.

Он прикрикнул на сына: Цэ-эр, покажи господину Чжоу свое мастерство, веди себя прилично! Делать нечего, Сунь Цэ пришлось выйти во двор. Сдаваться он не хотел, но и ранить этого аристократа было опасно.

Чжоу Юй, не дожидаясь приглашения, бросился в атаку. Взмах клинка едва не срезал прядь волос с головы Сунь Цэ. Тот оживился: А ты и вправду чего-то стоишь! Ну что ж, теперь я серьезен. Юный тиран Цзяндуна по-настоящему увлекся. Девушки за забором наблюдали за поединком, затаив дыхание. Силы были равны, и гости не скупились на похвалы.

Когда Сунь Цэ вновь рванулся вперед, Чжоу Юй вдруг остановился, вложил меч в ножны и поклонился: Брат Бофу действительно искусен, я признаю свое поражение. Сунь Цэ, разочарованный тем, что бой прерван, поклонился в ответ: Вы льстите мне.

Поздней ночью, перебрав вина, Сунь Цэ заблудился в глубине поместья и случайно оказался у покоев Чжоу Юя. Увидев свет в окне, он подумал: Неужели этот книжный червь до сих пор корпит над свитками?

Он на цыпочках подошел к двери и заглянул внутрь. Чжоу Юй принимал ванну. Сунь Цэ хотел было уйти, но не смог оторвать взгляд от кожи Чжоу Юя, белой, как нефрит. Он сглотнул, вспомнив лакомства за столом. Влажные волосы мягко спадали на плечи, а пар от воды окутывал изящные черты лица, делая его облик почти неземным.

Когда Чжоу Юй встал, чтобы взять одежду, он почувствовал присутствие чужака. Накинув халат и схватив меч, он обернулся. Сунь Цэ не успел отвести глаз. Чжоу Юй, нахмурившись, бросился на него, но Сунь Цэ ловко увернулся.

Увидев, что одежда Чжоу Юя едва держится, Сунь Цэ рассмеялся. Чжоу Юй вспыхнул и нанес удар ножнами. Сунь Цэ, привычный к бою, легко перехватил меч. Чжоу Юй, пытаясь удержать халат, двигался с трудом, и Сунь Цэ, усмехнувшись, втянул его в комнату и захлопнул дверь. Чжоу Юй в ужасе расширил глаза: Что ты делаешь?!

Сунь Цэ, глядя, как юноша прикрывается одеждой, вальяжно опустился на стул: Мы оба мужчины, к чему эти церемонии? Чжоу Юй, не глядя на затуманенный вином взгляд Сунь Цэ, холодно бросил: Проваливай.

Спустя десять секунд тишины Чжоу Юй присмотрелся — Сунь Цэ заснул прямо в кресле.

Наутро Сунь Цэ был мрачнее тучи. Увидев Чжоу Юя за завтраком, он поспешил скрыться. Госпожа Сунь прижала сына к стулу: Что с тобой? Почему ты шарахаешься от господина Чжоу?

Сунь Цэ пробормотал: Мне приснился сон, от которого кусок в горло не лезет. Госпожа Сунь взглянула на Чжоу Юя, чьи черты казались необычайно утонченными, и догадалась о чем-то своем: И что же тебе приснилось?

Сунь Цэ нехотя ответил: Мне приснилось, что я... поклонился в знак брака с Чжоу Гунцзином.

Госпожа Сунь прыснула со смеху: Мой мальчик, ты так любишь его? Если хочешь, я помогу сосватать его. Сунь Цэ вспыхнул: Нет! Я никогда не женюсь на этом Чжоу Гунцзине!

Этот выкрик слышали все. Сунь Цзянь и Чжоу И, сидевшие неподалеку, обменялись тяжелыми взглядами. Чжоу И спросил: Бофу, чем мой сын прогневал тебя?

Сунь Цэ, поняв, что перешел грань, поклонился: Простите, господин Чжоу. Это был лишь дурной сон, я не хотел вас обидеть. Мы оба мужчины, и я... я буду считать Гунцзиня своим братом.

На закате, глядя на небо, окрашенное в оранжевые тона, два юноши вели коней по склону горы.

— Эй, — Чжоу Юй сердито посмотрел на Сунь Цэ, сидевшего на траве. — Не ты ли уверял, что это верная дорога?

Сунь Цэ хмыкнул: Подумать только, ты заблудился в собственных владениях!

Чжоу Юй покраснел от негодования. Если бы ты не умолял помочь тебе выследить оленя, мы бы не оказались здесь.

Сунь Цэ взглянул на него и подумал, что богатые наследники — существа нежные. Не заплачет ли он сейчас?

— Не бойся, — сказал он, помолчав. — Слуги скоро нас найдут.

Чжоу Юй сел рядом. Близость его заставила Сунь Цэ напрячься. Юноша смотрел прямо на него, и в его чистых глазах отражалась решимость.

— Господин Сунь Бофу... я так неприятен тебе?

Сунь Цэ растерялся. Ну как сказать? Вечно серьезный, только книги и тренировки, никакой легкости в общении...

— Как можно! Наши отцы — побратимы, значит и мы...

— ...станем лучшими друзьями, верно? — подхватил Чжоу Юй.

Сунь Цэ замер. Чжоу Юй смотрел на горизонт, где солнце уходило в темноту. Когда вдалеке завывали волки, Сунь Цэ, не раздумывая, спрятался за спину Чжоу Юя: Ч-что это?

Чжоу Юй, сжимая рукоять меча, с презрением взглянул на него через плечо: А толку от тебя?

Сунь Цэ сглотнул: Я прикрываю тебя с тыла!

Вскоре стало ясно, что волков нет. Чжоу Юй рывком отстранил руку Сунь Цэ и вскочил на коня. Лошадь, напуганная, встала на дыбы. В тот миг, когда Чжоу Юй в белых одеждах, с повязкой на лбу и развевающимися рукавами, властно обуздал животное, Сунь Цэ показалось, что он видел это прежде. словно вспышка из далекого прошлого...

Десять лет назад.

— Гунцзинь, ты можешь забраться сюда? — шестилетний мальчик на коне свысока смотрел на своего сверстника, украшенного драгоценной повязкой.

Маленький Чжоу Юй топнул ногой: А-Цэ, слезай немедленно!

— Не слезу! Залезай, если хочешь!

Маленький Чжоу Юй был готов расплакаться: Это конь моего отца, слезай!

Маленький Сунь Цэ смеялся и тянул поводья: Но-о!

Когда конь вдруг испугался ползущего насекомого и рванулся, Сунь Цэ едва не вылетел из седла. Но Чжоу Юй, проявив невероятную прыть, вскочил на круп, одной рукой схватил поводья, а другой — пояс Сунь Цэ, спасая того от падения.

<http://bllate.org/book/22340/2340624>